

Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию

Анастасия Евгеньевна Чикова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД
Российской Федерации (МГИМО), Москва, Россия, nastya.chikova@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7774-911X>

Аннотация

Цель. Провести комплексный количественный анализ процессов геоэкономической фрагментации как ключевой структурной тенденции современной мировой экономики и оценить ее воздействие на трансформацию международных экономических отношений, торговых и инвестиционных потоков, а также на формирование новой архитектуры глобальных хозяйственных связей.

Задачи. Проанализировать динамику индексов геополитических рисков, торговой и фискальной неопределенности; оценить изменения коэффициента торговой открытости мировой экономики; исследовать масштабы и направленность протекционистских мер ведущих государств; выявить влияние тарифной политики США на глобальную торговую архитектуру; показать трансформацию подходов к управлению цепочками поставок (решоринг, френдшоринг, нияршоринг); оценить структурные сдвиги в двусторонних торговых связях и динамике торговли внутри геополитических блоков и между ними; раскрыть влияние фрагментации на потоки прямых иностранных инвестиций и международную финансовую архитектуру; систематизировать ключевые индикаторы фрагментации и построить общий индекс, отражающий ее динамику по главным направлениям.

Методология. Исследование базируется на применении комплекса методов экономико-статистического анализа, включая анализ динамических рядов, расчет относительных показателей, сравнительный анализ, а также метод индексной оценки. Информационную базу составили данные международных организаций (МВФ, Всемирного банка, ВТО, ЮНКТАД), специализированных баз данных (Global Trade Alert, UN Comtrade, Geopolitical Fragmentation Index), а также аналитические материалы национальных статистических служб и исследовательских центров.

Результаты. Установлено, что геоэкономическая фрагментация является устойчивой структурной тенденцией, проявляющейся по широкому спектру индикаторов: индексы геополитических рисков и торговой неопределенности достигли исторических максимумов, коэффициент торговой открытости после пика 2022 г. показывает устойчивое снижение, количество протекционистских мер более чем в три раза превышает либерализационные, средневзвешенная импортная ставка в США достигла максимального значения с 1943 г. Выявлено опережающее развитие френдшоринга, по сравнению с нияршорингом, подтверждающее приоритет геополитических факторов над экономическими. Прослеживается системное перераспределение глобальных торговых потоков, выраженное в укреплении новых стратегических альянсов и ослаблении исторически сложившихся связей. Показано, что объемы торговли внутри геополитических блоков растут опережающими темпами по сравнению с межблоковой торговлей. Обнаружены сокращение глобальных потоков прямых иностранных инвестиций, их переориентация в пользу политически близких юрисдикций, а также беспрецедентное расширение санкционных режимов. Построен общий индекс фрагментации, динамика которого свидетельствует о переходе от фазы устойчивой глобализации (1990–2000) к фазе ускоренной фрагментации после 2022 г. При этом наиболее выраженный рост демонстрирует политическая фрагментация.

Выводы. Геоэкономическая фрагментация представляет собой политически мотивированный, многомерный процесс, включающий в себя торговую, финансовую, миграционную, политическую сферы и ведущий к формированию полицентричной архитектуры мировой экономики с консолидацией блоков вокруг главных центров силы. Долгосрочные последствия фраг-

ментации носят системно повторяющийся деструктивный характер и могут привести к сокращению реального объема мирового валового внутреннего продукта на 7 % к 2040 г. Вместе с тем фрагментация стимулирует углубление интеграционных процессов внутри объединений, которые становятся естественными «гаванями безопасности» для участников, что определяет контуры новой модели мирохозяйственных связей, основанной на стратегической автономии.

Ключевые слова: *геоэкономическая фрагментация, экономическая интеграция, деглобализация, протекционизм, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), торговые барьеры, геополитические риски, глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС), полицентричность*

Для цитирования: Чикова А. Е. Количественная оценка процессов геоэкономической фрагментации и их структурное воздействие на экономическую интеграцию // *Экономика и управление*. 2026. Т. 32. № 3. С. 325–340. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2026-3-325-340>

Quantitative assessment of geoeconomic fragmentation processes and their structural impact on economic integration

Anastasia E. Chikova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia, nastya.chikova@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7774-911X>

Abstract

Aim. This work aimed to conduct a comprehensive quantitative analysis of geoeconomic fragmentation processes as a key structural trend in the contemporary global economy and assess its impact on the transformation of international economic relations, trade and investment flows, and the formation of a new architecture of global economic interactions.

Objectives. The work seeks to analyze the dynamics of geopolitical risk indices, trade and fiscal uncertainty; assess changes in the trade openness coefficient of the global economy; study the scale and direction of protectionist measures of leading countries; identify the impact of US tariff policy on the global trade architecture; demonstrate the transformation of approaches to supply chain management (reshoring, friendshoring, nearshoring); assess structural shifts in bilateral trade relations and the dynamics of trade within and between geopolitical blocs; reveal the impact of fragmentation on foreign direct investment flows and the international financial architecture; as well as to systematize key fragmentation indicators and construct a general index reflecting its dynamics across key areas.

Methods. The study employed a combination of economic and statistical analysis methods, including time series analysis, calculation of relative indicators, comparative analysis, and index assessment. The information base included data from international organizations (International Monetary Fund, World Bank, World Trade Organization, United Nations Conference on Trade and Development), specialized databases (Global Trade Alert, UN Comtrade, Geopolitical Fragmentation Index), as well as analytical materials from national statistical services and research centers.

Results. Geoeconomic fragmentation has been established to be a persistent structural trend, manifested across a wide range of indicators, where geopolitical risk and trade uncertainty indices have reached historical highs, the trade openness coefficient has shown a steady decline since its 2022 peak, the number of protectionist measures is more than three times higher than liberalizing ones, and the average weighted import rate in the United States has reached its highest value since 1943. Friendshoring is found to be growing faster than nearshoring, confirming the priority of geopolitical factors over economic ones. A systemic redistribution of global trade flows is registered, manifested in the strengthening of new strategic alliances and the weakening of historically established ties. Trade volumes within geopolitical blocs are shown to be growing at a faster rate than inter-bloc trade. A reduction in global foreign direct investment flows, their reorientation toward politically proximate jurisdictions, and an unprecedented expansion of sanctions regimes are also detected. A general fragmentation index has been constructed, which dynamics indicate a transition from a phase of stable globalization (1990–2000) to a phase of accelerated fragmentation after 2022. Political fragmentation, however, demonstrates the most pronounced growth.

Conclusions. Geoeconomic fragmentation is a politically motivated, multidimensional process encompassing trade, finance, migration, and political spheres, leading to the formation of a polycentric global economic architecture with the consolidation of blocs around key centers

of power. The long-term consequences of fragmentation are systemically recurrent destructive in nature and could lead to a 7 % reduction in real global gross domestic product by 2040. At the same time, fragmentation stimulates the deepening of integration processes within associations which become natural “safe havens” for participants, defining the contours of a new model of global economic relations based on strategic autonomy.

Keywords: *geoeconomic fragmentation, economic integration, deglobalization, protectionism, foreign direct investment (FDI), trade barriers, geopolitical risks, global value chains (GVCs), polycentricity*

For citation: Chikova A.E. Quantitative assessment of geoeconomic fragmentation processes and their structural impact on economic integration. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2026;32(3): 325-340. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2026-3-325-340>

Введение

Анализ современных тенденций в мировой экономике требует рассмотрения феномена деглобализации сквозь призму геоэкономической фрагментации. Данный процесс носит преимущественно политический характер и служит результатом целенаправленной деятельности государственных институтов. Формирование политического курса определено в первую очередь задачами обеспечения национальной безопасности, предусматривающей стратегические и экономико-технологические аспекты. Наблюдаемый процесс фрагментации — это не столько пространственное разобщение экономических субъектов, сколько политико-экономическая реконфигурация архитектуры глобальных хозяйственных взаимодействий.

Геоэкономическая фрагментация, по своей сути, представляет собой политически мотивированный разворот процессов глобальной экономической интеграции, движимый в первую очередь стратегическими соображениями. К их числу относятся обеспечение национальной и экономической безопасности, стремление к укреплению автономии за счет снижения критических зависимостей от иностранных поставщиков и партнеров. Движущими силами фрагментации могут выступать прямое геополитическое противостояние и приоритеты национальной экономической политики, в частности решоринг производств и поддержка внутренней занятости¹.

В настоящее время фрагментация мировой экономической архитектуры приобрета-

ет выраженный полицентричный характер, проявляясь в формировании геоэкономических блоков, консолидирующихся вокруг полюсов, представленных США, Китаем и Европейским союзом (ЕС). Вместе с тем возникает группа условно нейтральных государств-посредников, таких как Индия и Мексика, стремящихся использовать свое положение для медиации в трансграничных торговых и финансовых операциях. Экономическая интеграция внутри формирующихся альянсов усиливается, а межблочные потоки сталкиваются с нарастающими барьерами, ключевыми из которых являются дискриминационные тарифные режимы. Систематическое ужесточение тарифной политики со стороны США служит мощным катализатором данной тенденции, способствуя консолидации разделения глобального экономического пространства на конкурирующие и слабо интегрированные между собой сегменты².

Несмотря на краткосрочные стратегические выгоды, которые фрагментация может приносить отдельным государствам, ее совокупное долгосрочное влияние на глобальную экономику носит системно повторяющийся деструктивный характер. Ключевыми каналами негативного воздействия служат стратегические потери, выраженные в устойчивом удорожании импорта, прогрессирующей сегментации и сокращении емкости мировых рынков. Ситуацию усугубляют ограничения на трансфер передовых технологий и сокращение мобильности квалифицированной рабочей силы. В перспективе совокупное воздействие этих факторов

¹ Aiyar S., Ilyina A. Geo-economic fragmentation and the world economy // Centre for Economic Policy Research (CEPR). March 27. 2023. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/geo-economic-fragmentation-and-world-economy> (дата обращения: 17.01.2026).

² Dubinin S. Fragmentation and bloc formation: How the global economy is changing // XXV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development. HSE University. April 17. 2025. URL: <https://www.hse.ru/en/news/research/1037157899.html> (дата обращения: 17.01.2026).

создает системные ограничения, результатом которых становятся снижение общей факторной производительности, замедление инновационного развития и, как следствие, долгосрочное сокращение потенциала экономического роста и благосостояния в странах, подверженных фрагментации¹.

Подобно тому, как углубление глобальной экономической интеграции влияло на мировую экономику посредством нескольких взаимосвязанных каналов, геоэкономическая фрагментация, скорее всего, окажет противоположное воздействие через такие же механизмы. На протяжении десятилетий международная торговля выступала ключевым драйвером конвергенции доходов и снижения потребительских цен, однако современная геоэкономическая динамика ставит под сомнение устойчивость этих позитивных трендов. Потоки капитала, особенно в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ), выступали для развивающихся экономик источником критически важного внешнего финансирования, стимулируя рост производительности и углубление национальных финансовых рынков. Успешное функционирование данных каналов обеспечивало трансграничный обмен технологиями и знаниями — процесс, который в условиях нарастающей фрагментации тоже оказывается под угрозой².

Динамика ключевых индикаторов геоэкономической фрагментации

Системная трансформация глобального экономического ландшафта проявляется в устойчивом росте геополитических рисков и торгово-политической неопределенности. Катализирующим фактором данной тенденции стало обострение американо-китайского торгового противостояния, которое, наряду с волной последующих односторонних ограничений, привело к существенной дестабилизации режима международной торговли и ослаблению механизмов ее многостороннего регулирования [1]. Последующие шоки усугубили структурные расколы в мировом экономическом порядке и спровоцировали глубокие дисбалансы на ключевых товарных рынках, что привело к снижению устойчивости некогда эффективно функционировав-

ших глобальных производственных цепочек в условиях нарастающей геополитической турбулентности.

Динамика индекса геополитических рисков, как видно на рисунке 1, отражает тесную корреляцию с ключевыми событиями, определявшими реакцию международных финансовых рынков. Максимальные значения индекса представлены в периоды, соответствующие террористическим атакам в США (2001), началу военной операции в Ираке (2003) и эскалации региональных конфликтов в 2022 г.

Динамика индекса неопределенности торговой политики показывает циклические, но усиливающиеся всплески, свидетельствующие о нарастании структурной нестабильности в мировой экономике. Устойчиво высокие значения индекса после 2022 г. говорят о структурном сдвиге, при котором экономические потоки в большей степени определяются не сравнительными преимуществами, а соображениями безопасности и управления рисками. Данный процесс ведет к формированию новой, более сегментированной экономической реальности, характеризующейся ростом транзакционных издержек и снижением общей эффективности. Такая среда подталкивает государства и корпорации к формированию замкнутых экономических блоков и сотрудничеству преимущественно со странами, разделяющими схожие идеологические и политические позиции, как показано на рисунке 2.

Одним из ключевых количественных индикаторов, отражающих долгосрочную динамику процессов глобальной интеграции, является коэффициент торговой открытости, определяемый как отношение мирового товарооборота (сумма экспорта и импорта) к валовому внутреннему продукту (ВВП). Анализ его динамики позволяет выявить нелинейный характер развития глобализационных процессов, а также признаки структурных сдвигов, формирующих новую фазу эволюции мировой экономики.

Устойчивое снижение коэффициента подтверждает гипотезу о том, что кризис 2008–2009 гг. выступил не просто кратковременным циклическим спадом, а катализатором структурной трансформации фундаментальных принципов глобальной

¹ Aiyar S., Chen J., Ebeke C. H. et al. Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism: Staff discussion note // International Monetary Fund (IMF). January 15. 2023. URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/sdn/2023/english/sdnea2023001.pdf> (дата обращения: 16.12.2025).

² Aiyar S., Ilyina A. Op. cit.

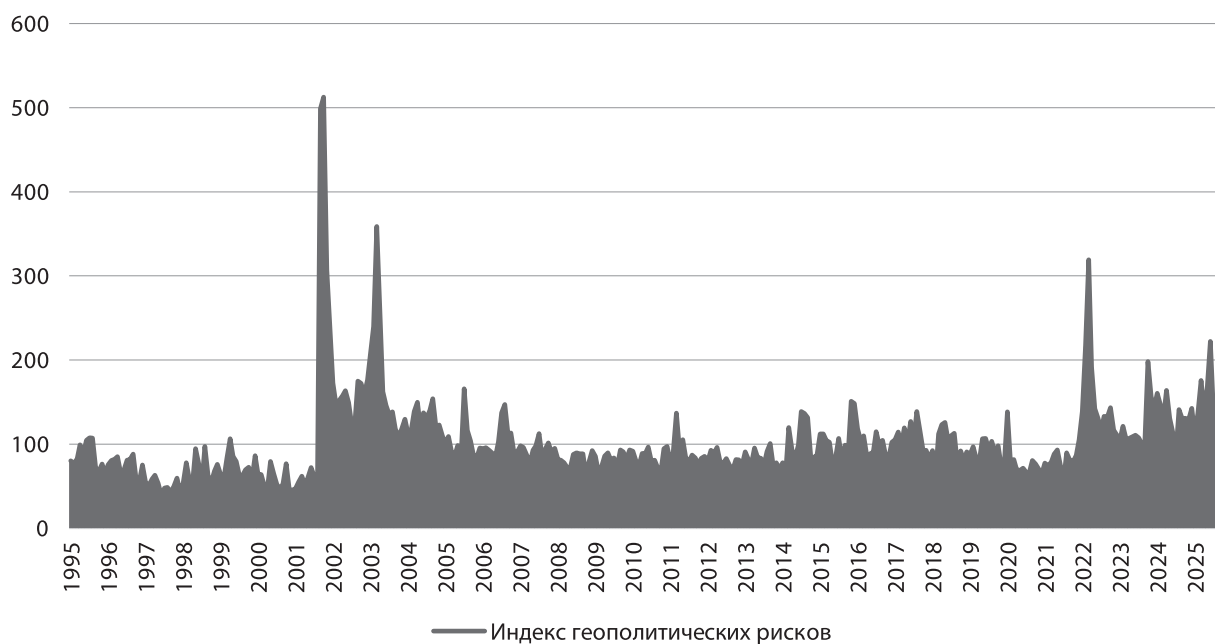

Рис. 1. Динамика индекса геополитических рисков (1995–2025)
Fig. 1. Geopolitical risk index dynamics (1995–2025)

Источник: составлено автором на основе данных. См.: Geopolitical Risk (GPR) Index // Matteo Iacoviello. URL: <https://www.matteoia-coviello.com/gpr.htm> (дата обращения: 18.12.2025).

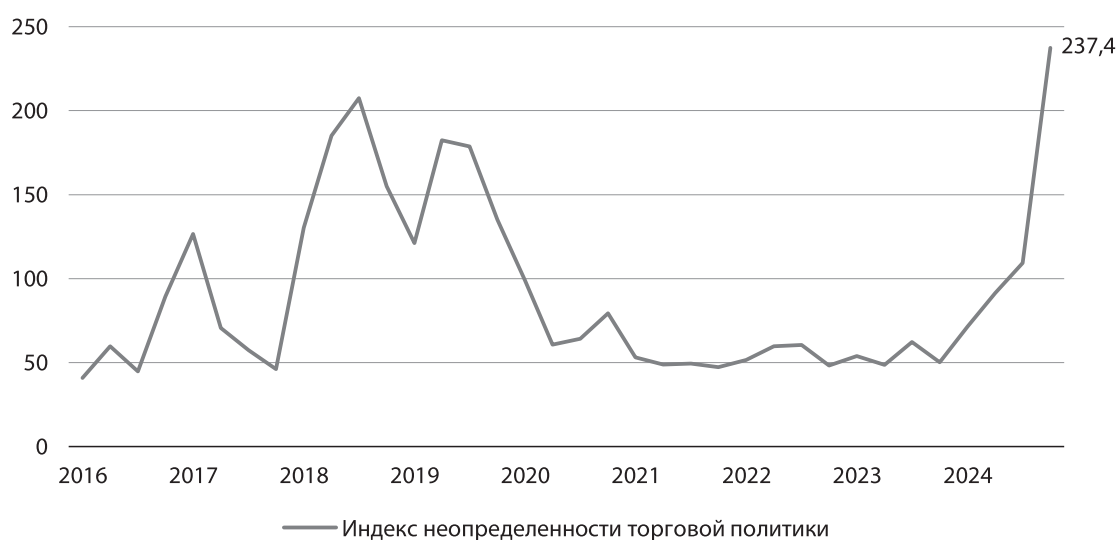

Рис. 2. Динамика индекса неопределенности торговой политики (2016–2024)
Fig. 2. Trade policy uncertainty index dynamics (2016–2024)

Источник: составлено автором на основе данных. См.: World Economic Outlook Update: Global Growth: Divergent and Uncertain (June 2025) // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2025/update/january/english/text.pdf> (дата обращения: 19.12.2025).

интеграции. Согласно данным, представленным на рисунке 3, наблюдается переход от модели устойчивой глобализации к модели, характеризующейся высокой волатильностью и структурными разрывами. Послекризисное восстановление показателя отличается низкой интенсивностью,

что не позволяет говорить о формировании долгосрочных позитивных тенденций. Наблюдаемый в 2023–2024 гг. тренд свидетельствует о том, что фрагментация приобретает характер долгосрочной структурной тенденции, результатом которой становятся прогрессирующая сегментация мирохо-

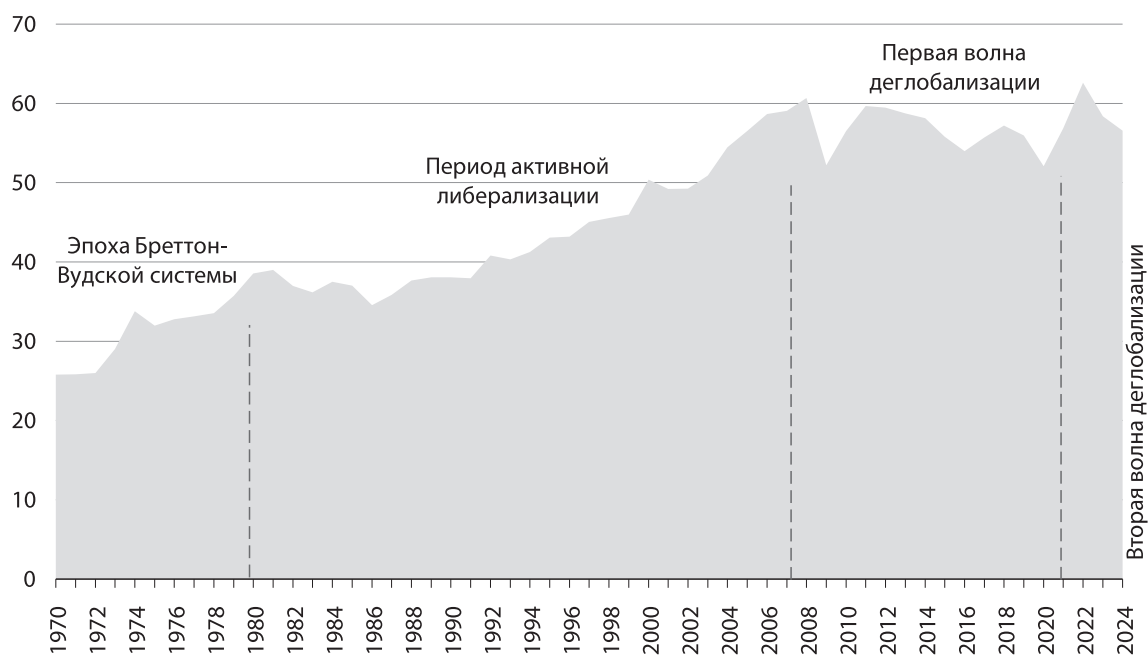

Рис. 3. Динамика открытости международной торговли (1970–2024), % от ВВП
 Fig. 3. International trade openness dynamics (1970–2024), % of gross domestic product

Источник: составлено автором на основе данных. См.: World Development Indicators. Trade Openness Long Serie // World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/trade-openness-long-serie/id/a16d7265#> (дата обращения: 21.12.2025).

зайственных связей и пересмотр главных принципов глобальной торговли.

Протекционизм как инструмент стратегического соперничества

В ответ на возросшие риски и неопределенность в мировой экономике происходит качественная трансформация государственной политики, характеризующаяся усилением протекционизма и систематическим использованием трансграничных ограничений, мотивированных соображениями экономической безопасности. Это приводит к формированию институциональных предпосылок для структурной фрагментации глобальных рынков.

Подтверждением такой тенденции служит анализ динамики государственных мер, влияющих на международные экономические отношения. С 2009 по 2025 г. совокупный объем протекционистских мер более чем в три раза превышает количество мер, направленных на либерализацию (23 167 против 7 263), что свидетельствует об устойчивом и усиливающемся сдвиге в политике ведущих стран¹. Наиболее отчетливо

протекционистская политика проявляется в высокотехнологичных и стратегических отраслях, критически значимых для технологического развития и энергетической безопасности. Среди наиболее распространенных инструментов доминируют меры прямой поддержки национальных производителей, а также импортные квоты и тарифные барьеры. Подобная избирательность в применении ограничений указывает на ключевую стратегическую цель: защиту и развитие собственных технологических и ресурсных баз в условиях обострившейся конкуренции.

Таким образом, современный протекционизм эволюционирует от мер общей защиты внутреннего рынка к целенаправленному инструменту стратегического соперничества, перестраивающему архитектуру глобальных экономических связей и углубляющему их фрагментацию. Это отражено на рисунке 4.

Масштабное применение тарифных мер в рамках современной торговой политики США формирует устойчивый системный риск для стабильности международной экономической архитектуры [2]. Правовой

¹ The World's Trade and Industrial Policy Watchdog // Global Trade Alert. URL: <https://globaltradealert.org/> (дата обращения: 24.12.2025).

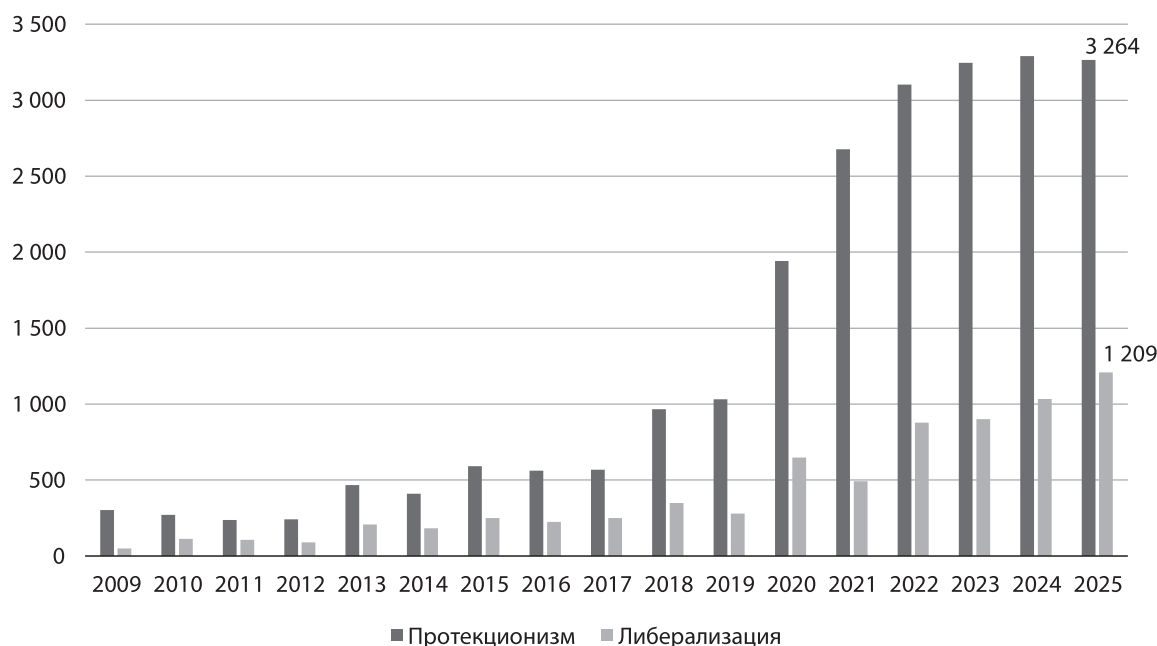

Рис. 4. Общее количество принятых государственных мер, регулирующих внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и миграцию, 2009–2025 гг.

Fig. 4. Total number of government measures adopted regulating foreign trade, foreign investment, and migration, 2009–2025

Источник: составлено автором на основе данных. См.: The World's Trade and Industrial Policy Watchdog // Global Trade Alert. URL: <https://globaltradealert.org/> (дата обращения: 24.12.2025).

основой этой политики служит Закон о чрезвычайных экономических полномочиях (ИЕРА), позволяющий принимать меры при возникновении «чрезвычайной угрозы» для национальной безопасности или внешней политики страны. На основании указанного документа введены пошлины в отношении 211 стран и территорий: для 86 из них ставки возросли до 11–50 %, для остальных установлена базовая пошлина в размере 10 %. Под ограничениями оказались стратегически важные сектора экономики, такие как автомобилестроение, металлургия, производство полупроводников и фармацевтика. Кумулятивный эффект этих мер привел к росту средневзвешенной применяемой ставки на импорт до 15,8 %, а средний эффективный тариф, скорректированный с учетом поведенческих реакций рынка, достиг 11,2 %, что является максимальным значением с 1943 г.¹, как видно на рисунке 5.

Данные меры свидетельствуют о тектоническом сдвиге в торговой политике США, знаменуя уход от базовых принципов, находившихся в основе многосторонней торговой системы со времен создания Всемирной торговой организации (ВТО). Ключевыми нововведениями стали дифференциация тарифов в зависимости от страны-партнера и расширение секторального охвата. Изложенный подход вступает в противоречие с принципом наибольшего благоприятствования, предполагающим недискриминационный режим в торговле. В результате дифференцированные тарифы используют как инструмент политического давления, направленный на сокращение торговых дисбалансов и достижение внеэкономических целей, что усиливает системные дисбалансы в глобальных торговых отношениях².

Итак, современная торговая политика приводит к формированию новой, значительно более фрагментированной и политизирован-

¹ Ahn J., Habib A., Malacrino D., Presbitero A. F. Fragmenting foreign direct investment hits emerging economies hardest // International Monetary Fund (IMF). April 5. 2023. URL: <https://www.imf.org/en/blogs/articles/2023/04/05/fragmenting-foreign-direct-investment-hits-emerging-economies-hardest> (дата обращения: 17.01.2026).

² A tectonic shift in tariff policy // UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctad.org/news/tectonic-shift-tariff-policy#:~:text=Many%20developing%20and%20least%20developed,imbalance%20in%20global%20trade%20relations> (дата обращения: 25.12.2025).

Рис. 5. Тарифные меры США и их влияние на глобальную средневзвешенную импортную ставку (1995–2025), %
Fig. 5. USA tariff measures and their impact on the global weighted average import rate (1995–2025), %

Источник: составлено автором на основе данных. См.: York E., Durante A. Tariff Tracker: Impact of Trump Tariffs & Trade War by the Numbers // Tax Foundation. February 23, 2026. URL: <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/> (дата обращения: 14.03.2026).

ной архитектуры международных экономических отношений. В рамках этой системы отношений происходит вытеснение универсальных многосторонних правил дискреционными односторонними мерами, направленными на достижение широкого спектра целей, выходящих за рамки экономической повестки.

Трансформация глобальных торговых и инвестиционных связей

Реакцией корпоративного сектора на усиление геополитической неопределенности служит стратегический пересмотр подходов к управлению цепочками поставок, при которых приоритетом становится не столько операционная эффективность, сколько устойчивость к внешним шокам [3]. Хотя диверсификацию потоков принято считать наиболее эффективным механизмом управления рисками, практическое развитие получают модели, основанные преимущественно на политико-географических критериях. К их числу отнесены рещоринг (возврат производств в страну базирования), френдшоринг (перенос операций в политически дружественные юрисдикции) и ниаршоринг (локализация в географически близких странах).

Данные, представленные на рисунке 6, подтверждают усиление этого тренда, вы-

раженное в устойчивом ускорении роста торговых потоков между геополитически близкими странами. Разворот в динамике индекса концентрации торговли, отражающий опережающий рост товарооборота внутри ограниченной группы стран, выступает индикатором структурных изменений. Суть последних заключается не в общем расширении торговли, а ее перераспределении в пользу более тесных связей, например внутри политико-экономических альянсов. Вместе с тем темпы ниаршоринга значительно отстают от опережающего развития френдшоринга, мотивированного политическими факторами, что отражено на рисунке 6.

Становится очевидным, что ключевые управленческие решения все чаще определены не критериями сравнительных преимуществ, а стратегией управления геополитическими рисками. Это приводит к фундаментальной структурной перестройке глобальных производственных и логистических сетей [4].

Подтверждением прогрессирующей переориентации товарных потоков в направлении геополитически ориентированных связей видится динамика торговли между условными блоками, сформированными на основе анализа голосований в Генеральной Ассамблее ООН¹. Так, после 2022 г. темпы

¹ Условные блоки автор предлагает разделить на восточный (Китай и союзники), западный (США и союзники) и нейтральный (государства, либо не имеющие внешнеполитических соглашений с США и Китаем, либо заключившие такие соглашения в равной степени с обеими странами).

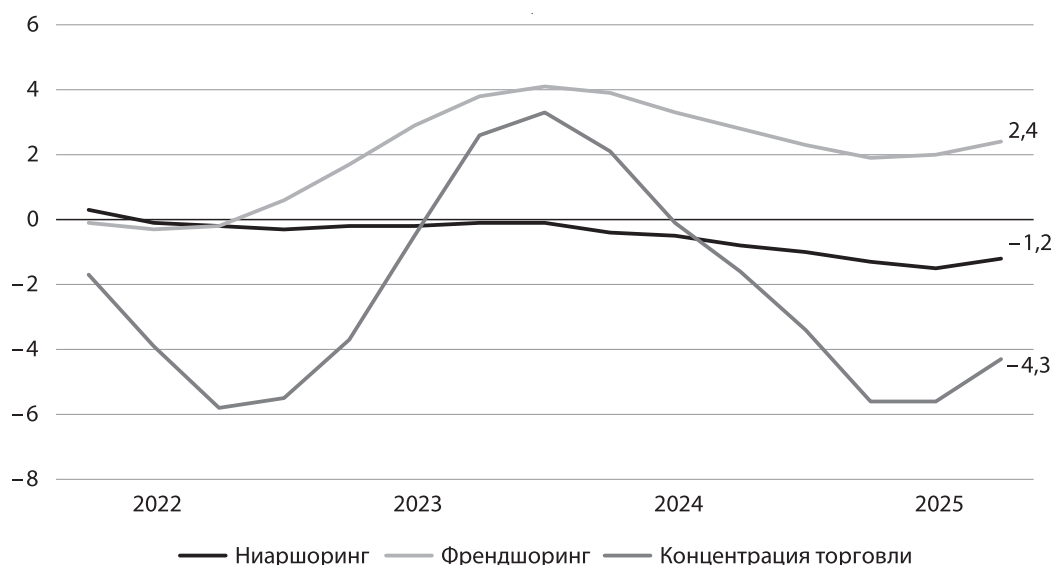

Рис. 6. Динамика ниаршоринга, френдшоринга и концентрации торговли, годовое изменение в процентах относительно 2021 г., %

Fig. 6. Nearshoring, friendshoring, and trade concentration dynamics, annual percentage change relative to 2021, %

Источник: Global Trade Update (December 2025): Global Trade Poised for a Record-Breaking Year as Flows Expected to Surge Past \$35 Trillion // UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctad.org/publication/global-trade-update-december-2025-global-trade-poised-record-breaking-2025-flows> (дата обращения: 05.01.2026).

роста торговли между этими блоками оказались в среднем на четыре процентных пункта ниже, чем темпы роста торговли внутри блоков. Вместе с тем признаков перехода к регионализации или широкому распространению практики переноса производственных мощностей в географически близкие страны в настоящее время не обнаружено.

Ввиду усиления глобальной неопределенности стабилизация разрыва между внутриблоковыми и межблоковыми торговыми потоками может свидетельствовать о начальной стадии трансформации имеющих тенденций. Дальнейшее углубление фрагментации мировой торговли между ведущими державами может не только усилить данную тенденцию, но и придать ей глобальный характер, распространившись в целом на систему геополитических альянсов. Такого рода трансформация неизбежно повлечет за собой глубокую реструктуризацию глобальных цепочек создания стоимости, потребует фундаментальной адаптации стратегий корпоративного взаимодействия и, скорее всего, приведет к появлению новых центров экономического роста на мировой арене. Высокая турбулентность современной макросреды, проявляющаяся в

геополитической нестабильности и череде системных кризисов, создает сложные условия для ведения бизнеса и выработки адекватной государственной политики [5].

Долгосрочные последствия подобного сценария могут привести к значительным экономическим издержкам, связанным с фрагментацией глобальной экономической архитектуры на конкурирующие блоки. Согласно прогнозным оценкам, взаимное повышение тарифных ставок на 100 % между геополитическими блоками в сочетании с ростом неопределенности торговой политики и ужесточением нетарифных барьеров приведет к долгосрочному снижению реального объема мирового ВВП примерно на 7 % к 2040 г., как видно на рисунке 7¹.

Нарастающая геополитическая неопределенность оказывает всестороннее влияние и на международную финансовую архитектуру. В отличие от выраженной волатильности торговых индикаторов, индекс финансовой неопределенности демонстрирует относительную стабильность. Качественный сдвиг в характере его динамики наблюдается с 2022 г., при этом несистемные умеренные колебания сменились чередой усиливающихся краткосрочных всплесков.

¹ Global trade outlook and statistics (April 2025) // World Trade Organization (WTO). URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

Рис. 7. Торговля внутри геополитических блоков и между ними (2018–2024)

Fig. 7. Trade within and between geopolitical blocs (2018–2024)

Источник: составлено автором на основе данных. См.: Global trade outlook and statistics (April 2025) // World Trade Organization (WTO). URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

Данная тенденция достигла пика во второй половине 2024 г.: индекс перешел к устойчивому восходящему тренду, превышая уровень в 101 пункт.

Стабильно высокий уровень индекса говорит о растущих расхождениях в подходах к фискальной политике и на национальном, и на международном уровне. Непредсказуемые и несогласованные фискальные меры, будь то изменения налогового режима, целевые субсидии или санкции, де-факто превращаются в механизм экономической политики, который приводит к фрагментации и усилению региональной дифференциации. Это прослеживается на рисунке 8.

Выявленная тенденция побуждает государства к реализации политики экономической безопасности, которая оказывает структурное воздействие на международное движение капитала через два ключевых механизма.

Суть первого механизма состоит в переориентации потоков ПИИ, направленной на повышение устойчивости глобальных цепочек создания стоимости. Для обеспечения экономической безопасности используют

комплексные меры государственной поддержки в целях стимулирования переноса стратегических отраслей в национальные или дружественные юрисдикции. Показательным примером служит принятый в США Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act), предусматривающий субсидии для локализации выпуска полупроводников и других критических технологий¹. Аналогичный курс реализует ЕС, закрепивший в Стратегии экономической безопасности 2023 г. и последующих отраслевых актах (Chips Act, Critical Raw Materials Act) меры по развитию собственных высокотехнологичных мощностей и диверсификации поставок².

Второй механизм направлен на защиту национальных интересов через ограничение доступа иностранного капитала к стратегическим секторам и чувствительным технологиям. Главным инструментом контроля выступает скрининг ПИИ, то есть процедура экспертизы инвестиционных сделок на предмет потенциальных угроз национальной безопасности. В течение последних лет наблюдается последовательное ужесточение данного режима.

¹ H.R.4346 — CHIPS and Science Act // Congress.Gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346> (дата обращения: 12.01.2026).

² Joint communication to the European parliament, the European council and the council on “European economic security strategy” (Brussels, 20.06.2023) // European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023JC0020> (дата обращения: 13.01.2026).

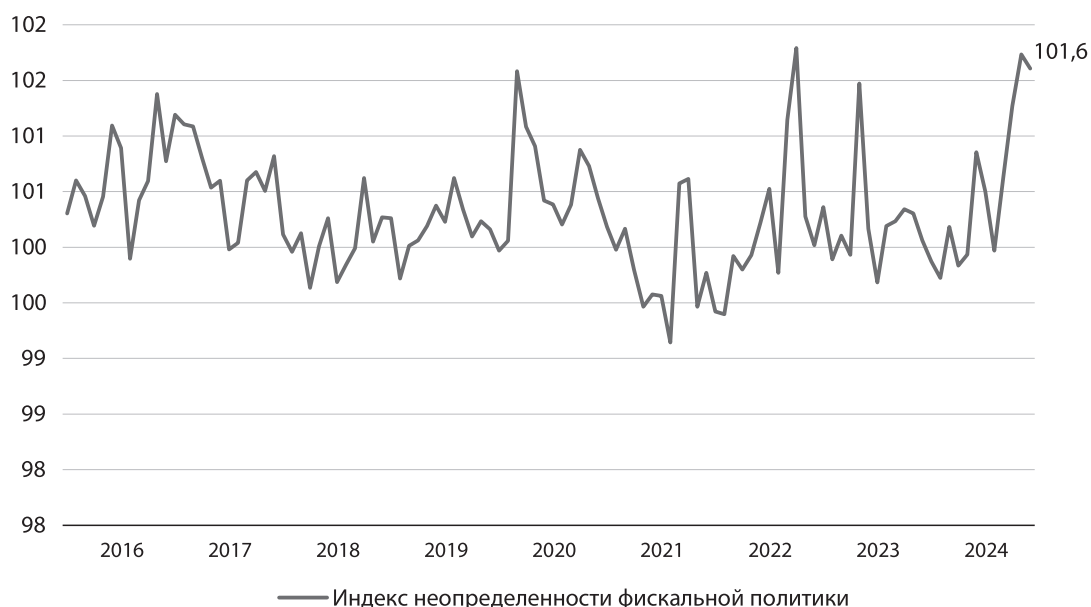

Рис. 8. Динамика индекса неопределенности фискальной политики (2016–2024)
Fig. 8. Fiscal policy uncertainty index dynamics (2016–2024)

Источник: составлено автором на основе данных. См.: World economic outlook update: Global growth: Divergent and uncertain (January 2025) // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2025/update/january/english/text.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

В частности, расширяется перечень контролируемых отраслей, снижаются пороговые значения для проверки сделок и усложняются критерии отбора. Эта тенденция, особенно распространенная в западных странах, представляет собой ответную меру на рост китайских инвестиций и направлена на усиление государственного контроля над стратегическими секторами экономики.

Дополнительным механизмом, оказывающим дестабилизирующее влияние на международное движение капитала, служат санкции. В зависимости от типа, они могут блокировать суверенные резервы, запрещать операции с государственным долгом, ограничивать или прерывать инвестиционные и финансовые потоки в отношении целевых стран и субъектов, способствуя тем самым фрагментации глобального финансового пространства [6]. Нарастание напряженности в мире расширило масштабы их применения. Так, за последние 30 лет количество государств, в отношении которых введены подобные меры, превысило 130. Это показано на рисунке 9.

Анализ динамики трансграничного движения потоков капитала отражает взаимосвязь между геополитическим дистанци-

рованием стран и структурной направленностью международных инвестиционных потоков. Усиление геополитической напряженности выступает ключевым фактором, способствующим перераспределению инвестиций в пользу государств со схожими внешнеполитическими позициями, в которых воспринимаемый инвесторами уровень рисков существенно ниже. Данная тенденция наиболее отчетливо прослеживается в сфере ПИИ, география которых последовательно смещается в направлении политически дружественных юрисдикций¹. Возникающий структурный сдвиг приводит к сокращению количества новых инвестиционных проектов в глобальном масштабе. К тому же общий объем инвестиций искусственно поддерживается за счет интенсификации капиталовложений внутри формирующихся альянсов, что маскирует истинную глубину фрагментации мирового инвестиционного ландшафта. Указанная динамика особенно выражена в стратегических отраслях экономики, что коррелирует с политикой укрепления экономической безопасности, проводимой многими государствами².

Указанные процессы развиваются ввиду двухлетнего снижения глобальных потоков

¹ Ahn J., Habib A., Malacrino D., Presbitero A. F. Op. cit.

² World economic outlook: A rocky recovery (April 2023) // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2023/april/english/text.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).

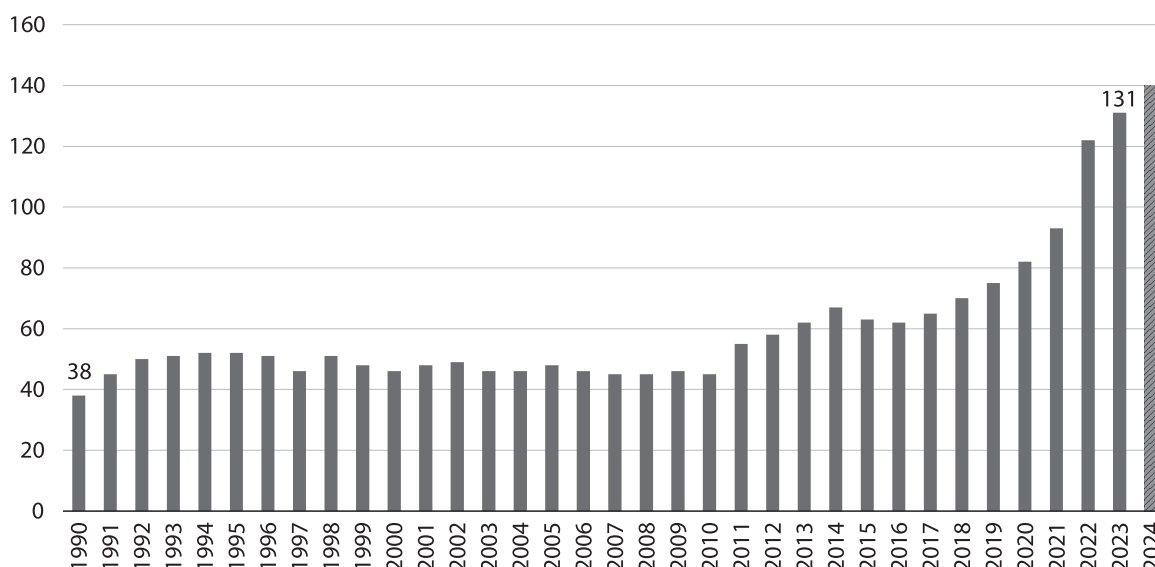

Рис. 9. Динамика распространенности санкционных режимов в глобальной экономике (1990–2024), количество стран
Fig. 9. Sanctions regime prevalence dynamics in the global economy (1990–2024), number of countries

Источник: составлено автором на основе данных. См.: Global financial stability report: Enhancing resilience amid uncertainty (April 2025) // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/gfsr/2025/april/english/text.pdf> (дата обращения: 13.01.2026).

ПИИ, которое в первом полугодии 2025 г. составило 3 %¹. Основное снижение обусловлено ситуацией в развитых экономиках, в которых объем трансграничных слияний и поглощений, традиционно формирующих значительную часть их инвестиционных потоков, сократился на 18 %. Приток инвестиций в развивающиеся страны в целом остался стабильным, но с выраженной региональной спецификой: в Латинской Америке и Карибском бассейне он увеличился на 12 %, в развивающихся странах Азии — на 7 %, а в Африке сократился на 42 %.

Общая экономическая неопределенность и высокая стоимость заимствований продолжают оказывать сдерживающее влияние на капиталовложения в промышленность и инфраструктуру. Так, количество анонсированных проектов «с нуля» сократилось на 17 %, в значительной степени вследствие резкого спада в отраслях со сложными производственными цепочками, таких как электроника и автомобилестроение.

Снижение отразилось и на международном проектом финансировании, выполняющем критически важную роль в развитии инфраструктуры, при этом количество сделок сократилось на 11 %, а их совокупная

стоимость — на 8 %. Более благоприятная тенденция наблюдается в развивающихся экономиках, в которых количество сделок проектного финансирования сократилось лишь на 2 %. Несмотря на меньшее количество соглашений, их совокупная стоимость возросла на 21 % благодаря реализации нескольких крупномасштабных проектов, как видно на рисунке 10².

Многомерный подход к измерению фрагментации

Фрагментация носит межотраслевой характер, выходя за рамки сугубо макроэкономических индикаторов. В торговой сфере она проявляется через ужесточение тарифного регулирования, рост протекционизма и усиление роли региональных торговых альянсов. В финансовом секторе фрагментация находит выражение в декаплинге рынков капитала, внедрении альтернативных платежных механизмов и регионализации валютного пространства. Миграционное измерение фрагментации характеризуется ужесточением миграционной политики и снижением межгосударственного взаимодействия. Военно-политические конфликты,

¹ World investment report 2025 // UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025> (дата обращения: 14.01.2026).

² Global foreign investment falls 3% in first half of 2025, hitting industry and infrastructure // UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctad.org/news/global-foreign-investment-falls-3-first-half-2025-hitting-industry-and-infrastructure> (дата обращения: 15.01.2026).

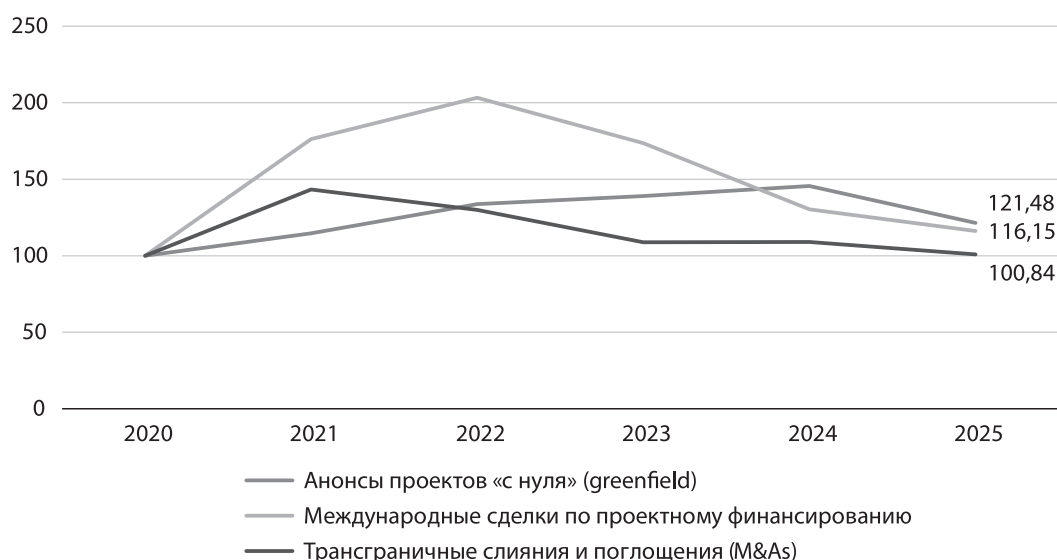

Рис. 10. Индекс глобальных инвестиционных проектов (2020–2025)
Fig. 10. Global investment projects index (2020–2025)

Источник: составлено автором на основе данных. См.: Global foreign investment falls 3% in first half of 2025, hitting industry and infrastructure // UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctad.org/news/global-foreign-investment-falls-3-first-half-2025-hitting-industry-and-infrastructure> (дата обращения: 15.01.2026).

структурные противоречия в энергетической сфере и острая геополитическая конкуренция приводят к политической переконфигурации, которая, в свою очередь, усугубляет эти процессы, формируя самоподдерживающуюся петлю взаимного усиления.

Таким образом, многогранность данного явления исключает возможность его оценки через единый индикатор. Целесообразным считаем применение комплексного индекса, согласно которому фрагментация представляет собой многомерную переменную, и она не поддается прямому измерению, но раскрывается через систему взаимосвязанных индикаторов в торговой, финансовой, миграционной и политической сферах. Это отражено в таблице 1.

Анализ динамики индекса фрагментации мировой экономики позволяет выделить ключевые этапы трансформации глобальных хозяйственных связей.

С середины 90-х гг. XX в. наблюдался устойчивый рост процессов глобализации, обусловленный институциональными преобразованиями в мировой экономике, включая формирование новых интеграционных объединений и либерализацию торгового режима в рамках ВТО. В результате глобального финансового кризиса 2008 г. интеграционные процессы в мире происходили медленнее. С 2017 по 2020 г. усиление фрагментации вызвано расширением протекцио-

нистских мер, ужесточением контроля над движением капитала и ростом регуляторной неоднородности между странами. Кратковременное снижение темпов фрагментации в 2021–2022 гг. обусловлено посткризисным восстановлением мировой экономики после пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Однако уже к 2024 г. индекс достиг исторического максимума. Масштабные военные конфликты и последующее обострение геополитической конфронтации стали катализатором глубоких структурных изменений в мировой экономике, выраженных в повышении значимости вопросов национальной безопасности, реконфигурации глобальных цепочек создания стоимости и фрагментации единого экономического пространства, как видно на рисунке 11.

В отличие от агрегированного индекса, отражающего общую тенденцию, группоспецифичные факторы показывают более дифференцированную динамику, особенно после 2008 г.

В частности, динамика торговой фрагментации характеризуется относительно плавным снижением. Но в течение последних лет, при усилении протекционизма и торговых противоречий, происходит ее рост, свидетельствующий, скорее, о стагнации открытости экономик, чем о резкой дезинтеграции. Финансовая фрагментация, оставаясь синхронной с общим трендом, отличается

Ключевые индикаторы, характеризующие процесс фрагментации мировой экономики

Table 1. Key indicators characterizing the process of global economic fragmentation

Форма фрагментации	Индикаторы, применяемые для расчета индекса геополитической фрагментации
Торговая	Коэффициент открытости торговли
	Количество торговых ограничений
	Временные торговые барьеры
	Неопределенность торговой политики
	Уровень тарифных барьеров
Финансовая	Коэффициент прямых иностранных инвестиций
	Коэффициент финансовых потоков
	Контроль за движением капитала
Миграционная	Коэффициент миграционного потока
	Потоки патентов
	Индекс миграционной напряженности
Политическая	Индекс геополитических рисков
	Индекс неопределенности в энергетическом секторе
	Количество зафиксированных конфликтов
	Количество введенных санкций
	Каппа-статистика Генеральной Ассамблеи ООН

Источники: Fernandez-Villaverde J., Mineyama T., Song D. Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effects // National Bureau of Economic Research (NBER). June. 2024. URL: <https://www.nber.org/papers/w32638> (дата обращения: 15.01.2026).

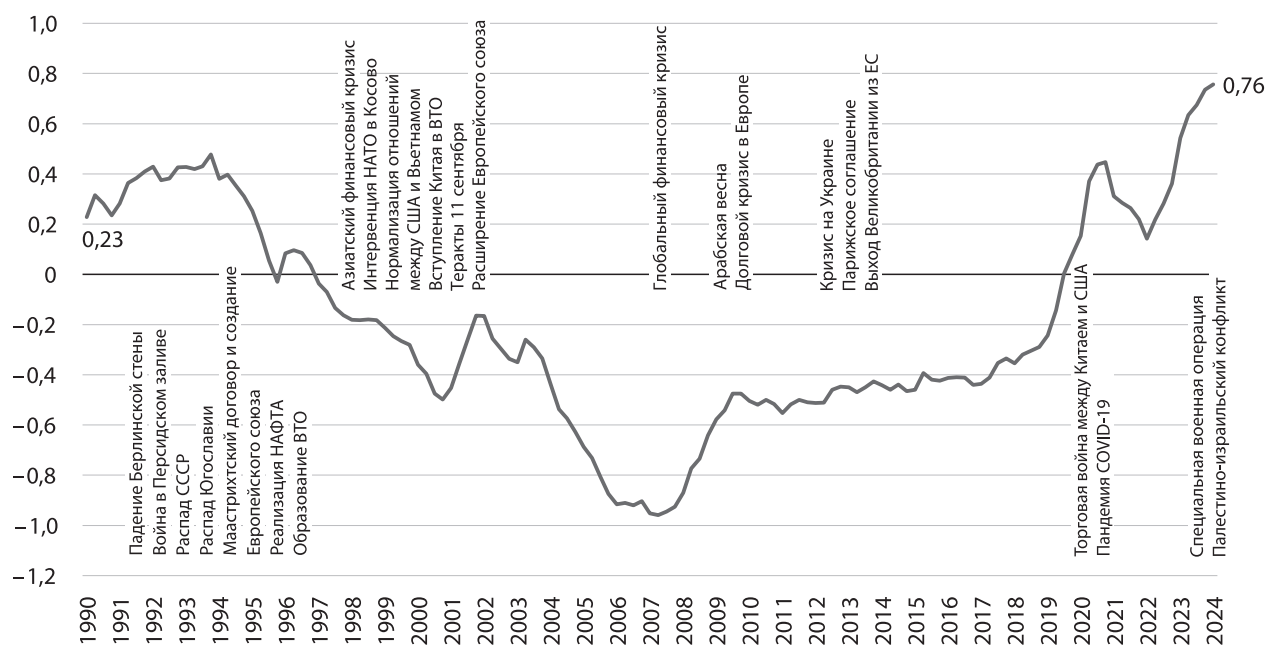

Рис. 11. Динамика общего индекса фрагментации, 1990–2024 гг.

Fig. 11. Overall fragmentation index dynamics, 1990–2024

Источник: составлено автором на основе данных. См.: Geopolitical Fragmentation Index (GFI). URL: <https://geopol-fragmentation-index.com> (дата обращения: 17.01.2026).

существенно большей амплитудой колебаний, особенно в кризисные периоды, что подтверждает ее значимость как одного из основных

факторов общей вариативности. Миграционная фрагментация отражает тесную корреляцию с агрегированным индексом, не имея

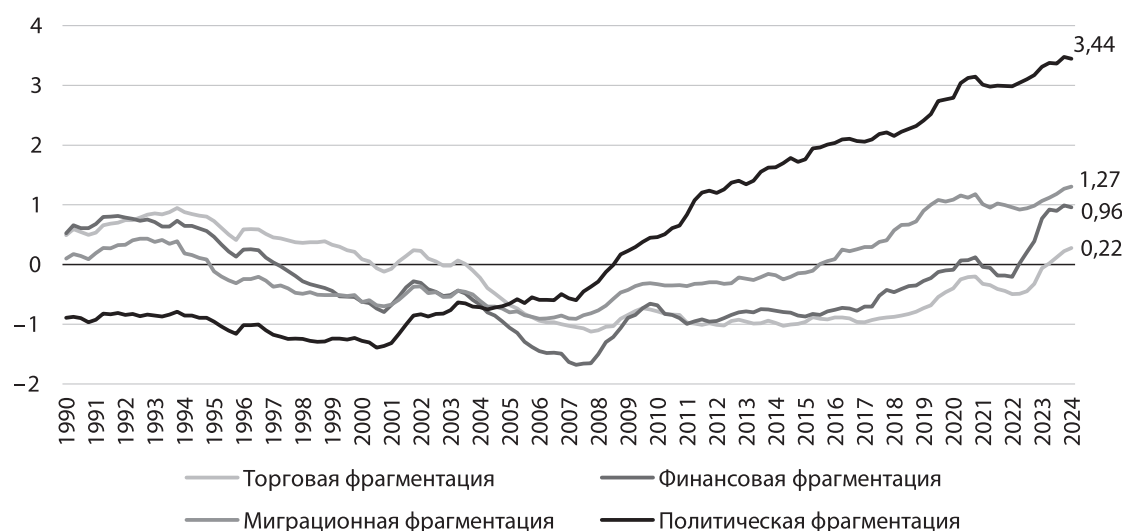

Рис. 12. Динамика индекса фрагментации по ключевым направлениям, 1990–2024 гг.
Fig. 12. Fragmentation index dynamics by key areas, 1990–2024

Источник: составлено автором на основе данных. См.: Geopolitical Fragmentation Index (GFI). URL: <https://geopol-fragmentation-index.com> (дата обращения: 17.01.2026).

выраженных самостоятельных колебаний, что говорит о ее зависимости от общемировых тенденций. Наконец, наиболее выраженный и устойчивый рост демонстрирует политическая фрагментация, что свидетельствует об углублении геополитической напряженности и институциональных разногласий в мировой экономике, как показано на рисунке 12.

Выводы

Таким образом, фрагментация мировой экономики находит отражение не только в межгосударственных отношениях, но и существенно влияет на деятельность транснациональных компаний (ТНК), функционирующих в разных юрисдикциях. Усиление протекционистских тенденций приводит к росту издержек международных компаний, которые вынуждены нести дополнительные расходы в виде ввозных таможенных пошлин или переходить к закупкам у альтернативных, более дорогостоящих поставщиков. Данная тенденция ограничивает их доступ на мировые рынки и снижает конкурентоспособность выпускаемой продукции.

В условиях усиления геополитической нестабильности прослеживается переориентация потоков ПИИ в направлении стран, близких по политическим и идеологическим принципам, в ущерб географической

близости. Фрагментация может ограничивать трансграничное движение капитала, уменьшая возможности стран по привлечению внешнего финансирования и замедляя их экономическое развитие. Сокращение объемов ПИИ способно привести к нерациональному распределению капитала, ослаблению связей между ТНК и замедлению технологического обмена¹.

Степень и интенсивность влияния фрагментации определена не только масштабами вводимых ограничений и разделением стран на блоки, но и сложностью адаптации к изменившимся формам взаимодействия. Вместе с тем следует ожидать, что, несмотря на усиление внимания к вопросам национальной безопасности и технологического суверенитета, полный отказ от экономических преимуществ интеграции представляется маловероятным. Компромиссным решением, позволяющим совместить интересы безопасности и экономической выгоды, может стать участие в интеграционных объединениях различных форм институционализации. Для Европы это прежде всего ЕС, для стран Юго-Восточной Азии — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, для России — Евразийский экономический союз, для африканских стран — Африканская континентальная зона свободной торговли, а для стран Латинской Америки — Южноамериканский общий рынок.

¹ Geopolitical and economic outlook 2024: Democracy and the splintering economy // Thomson Reuters. URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/global-economy/geopolitical-economic-outlook-2024-democracy-economy/> (дата обращения: 17.01.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Islam H. Dynamic effects of uncertainty, risks, R&D, and innovation on global economic growth // *Innovation and Green Development*. 2025. Vol. 4. No. 2. Article No. 100225. <https://doi.org/10.1016/j.igd.2025.100225>
2. Abukari Ya., Saluja R. Potential Trump tariff conflict in 2025 and its implications for international trade // *Theoretical and Practical Research in Economic Fields*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 904–915. [https://doi.org/10.14505/tpref.v16.4\(36\).08](https://doi.org/10.14505/tpref.v16.4(36).08)
3. Bednarski L., Roscoe S., Blome C., Schleper M. C. Geopolitical disruptions in global supply chains: A state-of-the-art literature review // *Production Planning & Control*. 2025. Vol. 36. No. 4. P. 536–562. <https://doi.org/10.1080/09537287.2023.2286283>
4. Montaruli F. Global trade, capital flows and deglobalization: A literature review // *Oesterreichische Nationalbank Occasional Paper*. 2025. No. 15. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/333472/1/193548723X.pdf> (дата обращения: 17.01.2026).
5. Чикова А. Е. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики // *Право и управление. XXI век*. 2024. Т. 20. № 2. С. 91–101. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-2-71-91-101>
6. Петров М. В. Влияние геополитической неопределенности на международное движение капитала // *Финансовый журнал*. 2024. Т. 16. № 3. С. 8–22. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-3-8-22>

References

1. Islam H. Dynamic effects of uncertainty, risks, R&D, and innovation on global economic growth. *Innovation and Green Development*. 2025;4(2):100225. <https://doi.org/10.1016/j.igd.2025.100225>
2. Abukari Ya., Saluja R. Potential Trump tariff conflict in 2025 and its implications for international trade. *Theoretical and Practical Research in Economic Fields*. 2025;16(4):904-915. [https://doi.org/10.14505/tpref.v16.4\(36\).08](https://doi.org/10.14505/tpref.v16.4(36).08)
3. Bednarski L., Roscoe S., Blome C., Schleper M.C. Geopolitical disruptions in global supply chains: A state-of-the-art literature review. *Production Planning & Control*. 2025;36(4):536-562. <https://doi.org/10.1080/09537287.2023.2286283>
4. Montaruli F. Global trade, capital flows and deglobalization: A literature review. *Oesterreichische Nationalbank Occasional Paper*. 2025;(15). URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/333472/1/193548723X.pdf> (accessed on 17.01.2026).
5. Chikova A.E. Global regionalization as the basis for the development of the world economy. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*. 2024;20(2):91-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-2-71-91-101>
6. Petrov M.V. The impact of geopolitical tensions on international capital flows. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2024;16(3):8-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-3-8-22>

Информация об авторе

Анастасия Евгеньевна Чикова

преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства, научный сотрудник Центра прикладных исследований факультета международного бизнеса

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Поступила в редакцию 24.02.2026
 Прошла рецензирование 19.03.2026
 Подписана в печать 31.03.2026

Information about the author

Anastasia E. Chikova

lecturer at the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership, research fellow at the Centre for Applied Research of the School of International Business

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia

Received 24.02.2026
 Revised 19.03.2026
 Accepted 31.03.2026

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.